

ОР 922
К-61

ИОСИФ КОЛУНОВ

**ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ФЕДОР ЧЕГОДАЕВ**

**ОГИЗ
Чкаловское издательство
1943**

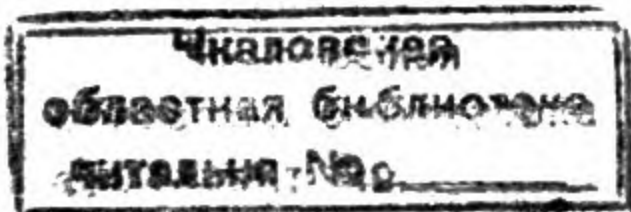
ИОСИФ КОЛУНОВ

Op 927
K 61

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ФЕДОР ЧЕГОДАЕВ

1945

78883

ОГНЗ
Чкаловское издательство
1943

1.

Снежная пыль столбом стояла на военных дорогах. Немцы отступали, кутаясь в награбленные дамские шали и телогрейки. Бросали оружие и обозы. Прятались в лесах. Сотни километров фронта пришли в движение. Офицеры связи сбились с ног, и пока они добирались до штабов, — части снимались с места, меняли позиции, перекатываясь на новые рубежи... Начиная с 6 декабря 1941 года воевали на колесах. Пехота делала такие броски, что в конных частях отказывались верить. Конники вступали в бой с немецкими танками, и танки поворачивали назад. В эту зиму вновь гремела слава Бородино. Стали известны леса Будогощи и Тихвина. Русские крещенские морозы достигали шестидесяти градусов, и снега пámело в человеческий рост. Немцы вызвали на Западный фронт финских егерей. Однако лыжи, подбитые оленьим мехом, не помогли ни гельсингфоргским лахтарям, ни их немецким хозяевам: снега были непроходимы, но земля русская проходимою не была! Проклиная судьбу, егеря бросали лыжи и оставались лежать на снегу. А следом все быстрее дви-

Гались красноармейские части, соприкасаясь на стыках, подпирая друг друга, поддерживая одна другую штыком и огнем. И в одной из таких частей, нависшей на плечах у противника, шел со снайперской ротой никому неизвестный боец—Федор Кузьмич Чегодаев.

Шел он, и ехал, и бежал, согревая замерзшие ноги. Отвечал на выстрелы и стрелял, не дожидаясь ответа. Он не кланялся пулям, не прятался от врага, а, наоборот,—искал его и, найдя, уничтожал. Чегодаев испытывал упоение от такой жизни. Казалось ему, словно давным давно шли бойцы строем, а он догнал их, стал с ними в ряд и сразу поймал ритм, взял ногу и пошел, пошел, легко ступая по земле. А на самом деле идти было трудно, да еще как! Немцы откатывались, но боролись за каждый рубеж и на каждом, чуть благоприятном для них, рубеже подымались в контратаку. Но и это Чегодаеву было по душе. Он еще думал тогда, что немцы настоящие солдаты, а с настоящим солдатом, хоть он подлец и сукин сын,—все-таки можно драться. В Чегодаеве заговорил старый, бывалый воин—конный разведчик, лихой рубака и джигит.

2.

Он, должно быть, пошел в прадеда своего —
кряжистого и могучего, прожившего на белом све-

те 103 года. Дед Данила рассказывал внуку о своем отце, которого мальчишкой пригнали в илекскую степь из Пензенской губернии и записали в казаки. С тех пор и пошел казачий род Чегодаевых, но как людям пришлым, им ходу не давали, одолевала бедность, и только рваный трех да пастуший кнут переходили по наследству от отца к сыну.

Прадедовским кнутом подхлестывал Федор Чегодаев кровного коня, когда дрался с басмачами у афганских границ в 1923 году. Не конь был у него—зверь. Только привычный с детства к лошадям казак мог с ним управиться. Ноздри третпные, глаза — как два фонаря. В станке его держали на цепи и дневальный забирался на крышу, когда чегодаевский Васька начинал шалить, и конюшня дрожала от его храпа. Рысью и карьером, и той шеуловимой глазом своеобразной иноходью обгонял Васька всех лошадей в конной разведке, в которой служил Чегодаев. Носил жеребец гладкие подковы без шипов, а в гору и под гору, тем не менее, ходил, как кошка. И хозяину своему Васька спасал жизнь неоднократно.

Когда ветер войны снова ударил в лицо казаку, вспомнил Чегодаев своего коня, как и подобает настоящему коннику. Вспомнил и рейды по ущельям приграничных гор и поймам среднеазиатских рек. Он ел в седле и спал в седле, а уж в бою—и подавно не спешивался. Доведись Чегодаеву на

первых порах попасть в оборону и, возможно, труднее пришлось бы ему, потому что казачий характер требует наступления. Но части наступали и его часть тоже не отсиживалась на одном месте, а, в конце концов, человеку не всю же жизнь верхом ездить, надо и ноги поразмять. И пошел Чегодаев, боец снайперской роты, вперед на врага.

Снайпер в наступлении фигура заметная и стоит иногда целого подразделения. Под прикритием снайперского огня стрелки выдвигаются вперед. Снайперы бьют по целям, которые мешают продвижению бойцов; снимают вражеских «кукушек»; свинцом затыкают рот пулеметчикам. Да мало ли что приходится делать наступающему снайперу, когда впереди, что ни шаг, — то неизвестность. Вот только в атаку снайпер не ходит, потому что у него свои задачи, но Чегодаев не выдержал — три раза бросался в атаку. Сходил первый раз и словно моложе стал годов на десять. Потом сходил и вторично, и только в третий раз попался на глаза комбату. Тот сначала удивился, потом вдруг рассвирепел.

— Что же это вы порядка не знаете! — закричал комбат. Пуля, чорт ее побери, не спросит вас — снайпер вы или стрелок. Ей всё равно, а мне не всё равно. Комбат помолчал с минуту и уже ровным голосом добавил: — Нам не всё равно, поймите вы, горячая голова.

Чегодаев молча стоял перед ним и не находил

слов для оправдания. Позже Чегодаев рассказывал товарищам: «Разве утерпишь? Разве уледишь на снегу, когда кругом такое творится? Я и так и сяк убеждал себя, мол, не суйся не в свое дело, да вдруг увидел, что три немца подбираются к Василию Горшенину. Земляк ведь, товарищ. Тут мои ноги сами пошли. Я штыком двух заколол, третьего прикончил Горшенин».

Вечером снайпер докладывал комбату о результатах боевого дня: «Насчитал я пятьдесят выстрелов, а немцы в своих рядах не досчитались пятидесяти человек. В общем—счет у нас сошелся...»

Было нечто общее в том давнем, уже пережитом Чегодаевым порыве во время боев за советскую власть в Средней Азии и в новой профессии казака. Он, может быть, потому так неразумно бросался в атаку, что на первых порах жил еще воспоминаниями прошлых боев. Чегодаев вспоминал, как семьсот басмачей шли с границ Афганистана небольшими группами. Конная разведка, в которой он служил, окружила одну группу, но конную разведку окружила другая группа. Третье кольцо замкнули наши бойцы, и кто считал, сколько их было там, таких колец? Тогда и ранили Чегодаева пулей в спину, к счастью, вырвав лишь треугольный лоскут кожи, а кривым ятаганом раздробили кисть левой руки.

Поставили Чегодаеву заплату на спину, — и сейчас еще виден след ее, — залечили руку, и

опять пошел конник воевать с шайкой Мирза Павлана и бандитскими отрядами Датхо. Только темп боя сохранился с той поры в памяти Чегодаева и это принес он на новый фронт почти двадцать лет спустя. Все остальное было иным — и обстановка, и задачи, и, главное, — противник. Чегодаев понимал это, и трезвая оценка происходящего содействовала медленному, постепенному изменению его характера.

Он в душе завидовал конникам Доватора и Гириченко, но даже аллюр в три креста уже не мог бы удовлетворить его. Чегодаев видел войну моторов и, хоть сам служил в пехоте, — нередко следовал за моторизованными, быстроподвижными частями, когда немцы отступали и наши части преследовали их.

3.

Снайперу Чегодаеву нередко помогал лихой конник Чегодаев. А иногда к их содружеству присоединялся колхозник Чегодаев с его размеренными привычками, хозяйственной жилкой, склонностью к медлительному раздумью. Так было, например, в тот день, когда Чегодаев первый раз участвовал в жестоком уличном бою за населенный пункт. Он шел по своему делу, таясь в тени, чтоб не выделяться на снегу. Рядом, совсем близко, были немцы, может быть в тех избах, под стенами которых

он искал защиты. Вдруг снайпер заметил на снегу противотанковую гранату и машинально подобрал ее, как подобрал бы дома, на сельской улице подкову или удила. Он подумал: «Пригодится, чего добру пропадать?» и пошел дальше, подвязав находку к своей гранате у пояса. Но по дороге ему попались еще две таких же тяжелых гранаты. Тогда Чегодаев рассердился: «И какой это раззява здесь проходил. Теперь иди и подбирай за ним». Гранаты, конечно,годились ему. На окраине поселка он забросал ими четыре избы — в каждую избу по гранате. Под развалинами изб нашли потом шестьдесят семь немецких трупов. На счету у Чегодаева стало, таким образом, сто семнадцать истребленных гитлеровцев.

Вскоре он был ранен. Пуля пробила ему лавылет кисть правой руки и раздробила кость.

— Ишь ты, — сказал Чегодаев санитару, — по плану меня дырявит: басмачи в левую руку, немцы — в правую. Все честь по чести. Так Чегодаев попал в госпиталь. За месяц кость срослась и, хотя рана еще не зажила, он потребовал возвращения на фронт.

Перед выходом из госпиталя Чегодаев обнаружил, что у него пропала книжечка, в которой он вел счет истребленным немцам, а там все записи были подтверждены и заверены командиром роты и помощником комбата. Чегодаев загрустил. «Про-

пали у меня сто семнадцать немцев». Потому и довелось ему позже начинать боевой счет сначала.

Только настойчивость Чегодаева помогла ему сразу попасть в действующую часть. Из госпиталя его хотели направить в батальон выздоравливающих. Чегодаев решительно запротестовал.

— А куда же?

— В часть.

Начальник госпиталя усмехнулся. — Где вы теперь будете искать свою часть?

— А зачем обязательно свою, — ответил Чегодаев. — Разве частей больше нет? Люди везде наши.

— Но у вас еще рука не зажила.

— Пока доеду — заживет, — ответил Чегодаев, и уехал на Северо-Западный фронт навстречу новым боям.

На новом месте так случилось, что Чегодаев попал в стрелки. Ходил в атаку, стоял на посту и забросил снайперское дело, словно никогда им не занимался. Только случай помог Чегодаеву вернуться к своей профессии. Однажды, глухой ночью, сменившись с поста, он зашел погреться в землянку. У печки, погирал озябшие руки, сидел только что прибывший в часть молодой лейтенант. Познакомились, разговорились. Лейтенант был очень удивлен, когда узнал, что рядом с ним сидит снайпер, давненько уже не глядевший в оптический прицел и забросивший свое искусство. Лейтенант

покачал головой и сказал: «Хоть вы и кажетесь мне хорошим и рассудительным бойцом, с которым приятно вместе воевать, однако я все-таки постараюсь приставить вас к своему «делу». На этом разговор и кончился. По правде сказать, Чегодаев вскоре забыл об этом. Как вдруг вызвали его в штаб батальона, оттуда направили в штаб полка, и Чегодаев снова стал снайпером.

4.

Часть занимала оборону и задачи перед отличным стрелком стояли иные, нежели в наступлении. Чегодаев получил снайперскую винтовку № 441. Под складской смазкой она, казалось, сохранила тепло своего прежнего хозяина, как старые картины сохраняют яркость красок под вековой пылью. «Ну, что ж, послужи и мне, голубушка, — сказал Чегодаев, — а я уж тебя сберегу». Он, собственно, мог бы и не говорить этого, так как с детства был приучен бережно относиться к добру, а винтовка в глазах Чегодаева была тем же добром, одной из разновидностей его. Чегодаев до войны был конюхом у себя в колхозе, в поселке Красный Яр, Илекского района, Чкаловской области. Но он и пахал, и сеял, и лемеха отбивал, и плуги налаживал. День велик, времени много, а конюх любил работу. За всем он успевал приглядеть, все сделать. У лошадей никогда не были побиты ни плечи, ни спины, у быков не потерты

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66